

УДК 811.161.1

РОЛЬ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ СЛОВАРЯ

© Л. А. Калимуллина*, Л. М. Васильев

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел./факс: +7 (347) 273 67 36.***Email: lorentsia09@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению метонимических переносов, представляющих собой не только важнейший вид семантической деривации, но и особый когнитивный механизм. В качестве материала исследования привлекаются наименования эмоций (эмотивы), ярко демонстрирующие механизмы метонимии в области абстрактной лексики. С опорой на факты древнерусского языка делается вывод о продуктивности ряда метонимических переносов как в сфере обозначения эмоциональных явлений, так и в пограничных номинативных областях. Рассмотрение метонимических процессов с точки зрения диахронии придает проведенному исследованию актуальность.

Ключевые слова: *русский язык, семантическая деривация, метонимия, наименования эмоций, когнитивные процессы, диахрония.*

Современная лингвистика, развиваясь в русле общих тенденций динамики научной мысли, обнаруживает стремление к расширению своего объекта, к экспансии в другие области знания, результатом чего становится возникновение не только «сдвоенных» дисциплин, но и новых направлений внутри самой науки о языке. Перечисленные факторы, несомненно, влияют и на разработку тех проблем, которые ставились в рамках традиционной лингвистики, поскольку их адекватный анализ возможен только при учете новейших теоретических концепций. Один из таких актуальных вопросов, нуждающихся в современной научной интерпретации, – установление закономерностей семантической динамики языка и целом и его словарного состава в частности. Об истории соответствующих исследований мы уже писали в одной из своих работ [1], здесь же лишь кратко остановимся на данном вопросе. Как известно, первые попытки концептуального описания семантических процессов были предприняты представителями младограмматизма, прежде всего Г. Паулем, который считал, что основной движущей силой развития содержательной стороны языка являются «отклонения окказионального значения от узуального», имеющие место в индивидуальной речи: «Переход окказионального значения в узуальное начинается для индивида с момента, когда при употреблении и восприятии слова к его узуальному значению впервые присоединяется воспоминание о прежнем употреблении и восприятии; переход завершается, когда это воспоминание достаточно упрочилось, когда употребление и восприятие протекают независимо от прежнего узуального значения данного слова» [2, с. 103]. Для целей нашей работы важным является то, что Пауль определяет причины семантических сдвигов: к примеру, такие виды переносов, как метафора, метонимия и синекдоха ученый объяснял логико-психологическими причинами (отметим попутно, что два последних термина не использо-

вались ученым). Логическими эти причины могут быть названы потому, что они связаны с познавательной деятельностью человека, а психологическими – поскольку они базируются на известных типах ассоциаций: по сходству (в случае метафоризации), по смежности (при метонимии и синекдохе) либо по контрасту [3, с. 182–183]. Интересным кажется тот факт, что представители еще одного господствовавшего на рубеже XIX–XX вв. направления – психологического – указывали аналогичные причины семантических сдвигов. Так, В. Вундт полагал, что в основе изменений значений лежат общие законы ассоциативных связей: связь по сходству, связь по смежности (пространственной или временной) и связь по противоположности [цит. по: 4, с. 15]. Таким образом, ведя речь о различных типах семантических переносов, названные ученые фактически предвосхищают теоретические построения когнитивистов, в которых семантические явления ставятся в соответствие познавательным процессам. Во второй половине XX в. интерес к указанной проблематике значительно усиливается в связи с активизацией исследований в области универсологии, при этом допускается, что синхронические и диахронические универсалии в области семантики могут стать основой для соответствующей типологии языков. Одной из значимых работ этого периода является статья С. Ульманна «Семантические универсалии», в которой он рассматривает такие общие процессы в области исторической семантики, как метафорический перенос понятий, расширение или сужение значений и табу [5].

Вместе с тем мы хотели бы подчеркнуть одно важное обстоятельство: традиционно лингвисты отдавали и отдают предпочтение исследованию метафорических переносов, считая их едва ли не главным типом семантической деривации. Следствием такого пристального внимания является активное развитие теории метафоры, в том числе и в рамках когнитивной науки (подробный анализ

современных трактовок метафоры см., например, в работе Е. О. Опариной [6]). В то же время метонимические процессы долгое время представлялись лингвистам как нечто «само собой разумеющееся», поэтому во многих авторитетных работах, посвященных исследованию семантической динамики языка, о метонимии говорится явно недостаточно. Так, С. Ульманн в своей уже упомянутой статье уделяет всего несколько строк метонимическому переносу. При этом исследователи, ведя речь о данном явлении, как правило, ограничиваются очевидными примерами, включающими лексемы с конкретной семантикой типа: *Весь город вышел на площадь; Съел целую тарелку* и т.п. Однако, как показывают наблюдения, метонимические процессы охватывают весьма широкие слои лексики, являясь продуктивным механизмом развития значений не только конкретных, но и абстрактных слов. Как отмечает Г. И. Берестнев, метонимический принцип представляет собой особый способ ментального освоения человеком мира, когнитивный механизм, позволяющий ему переходить в своем сознании от частного к общему, от конкретных явлений окружающей действительности к абстрактным сущностям и категориям [7, с. 141]. Аргументировать данное положение мы хотели бы с опорой на обозначения эмоций (эмотивы), обратившись к их диахроническому аспекту. Эти слова являются наименованиями эмоций как идеально-материальных объектов мира, своего рода констант психики. Именно двойственная природа эмоций (их объективное существование и в то же время субъективное переживание, делающее недоступным непосредственное наблюдение) определяет отличие эмотивов, с одной стороны, от названий конкретных предметов, а с другой – от таких отвлеченных наименований, как *красота, добро, понятие* и т.д. В плане развития метонимических значений у именных эмотивов очень интересные данные предоставляет русский язык старшего периода. К примеру, в семантической структуре этих лексем значение эмоционального состояния/отношения выступает в качестве первичного, тогда как вторичным является каузативное значение. По нашему мнению, в данном случае мы сталкиваемся с недостаточно четкой дифференциацией в языковом сознании двух аспектов эмоции: объективного (событие, вызвавшее психологическую реакцию) и субъективного (само внутреннее состояние). Именно действием этой тенденции объясняется развитие событийного значения в результате метонимического сдвига, например: *веселие* ‘1. радость, веселье; 2. праздник, пиршество’ (ср. болг. *веселба* ‘1. веселье; 2. пир’, чеш. *veselice* ‘гулянье (народное)’, разг. *veselka* ‘свадьба’, пол. *wesele* ‘1. свадьба; 2. веселье, радость’), *гнушение* ‘1. отвращение; 2. то, что вызывает отвращение’, *дивление, диво* ‘1. удивительное явление; чудо; 2. удивление’, *страх* ‘1. страх, боязнь; 2. страшное явление’,

скръбь ‘3. мучение, мука; 4. несчастье, беда’, *страсть* ‘1. страдание, бедствие; 3. страдание, ение; 4. несчастье’ и др.: *Тъцивому другу достоино на веселье звану прити а при печали и нужѣ самозванымъ*. Пч к. XIV, 22 [8, т. 1, с. 395]; *Не потуцаи на ны скорби и глада и напрасныхъ смерти*. Илар. Зак. Благ. (Приб. тв. св. от. II. 252) [9, т. 3, с. 400]. Важно отметить, что в некоторых случаях каузативное значение еще четко не отделяется от значения состояния, в связи с чем в лексикографических источниках они приводятся в единстве, например: *обрадование* ‘то, что доставляет радость, удовольствие; радость’ и т.д.: *Бываетъ обрадование бѣсомъ величавъ члкъ*. Панд. Ант., 98. XI в. [10, вып. 12, с. 132]. Как показывают приведенные примеры, в рассматриваемую эпоху внутреннее состояние человека еще не воспринимается отдельно от его каузатора (лица или предмета), в связи с чем оно интерпретируется как объективное событие, перенесенное «вовнутрь» человека. Этим фактом обусловлена, в частности, синонимизация наименований эмоций (прежде всего обозначающих негативные внутренние состояния) с пропозитивными именами типа *смерть, морь, нужда, насилье, гонение* и др., а также возможность образного представления события, вызвавшего эмоциональную реакцию, путем его олицетворения, отождествления с живым существом; ср.: *А Игорева храброго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи, въ пламянѣ розѣ*. Сл. о п. Иг., 19 [10, вып. 5, с. 120]. В свое время А. А. Потенбня очень верно писал по этому поводу: «До сих пор народу мало доступно понятие о счастье и о несчастье (и о болезни) как о сплетении личных ощущений, разложимых и зависимых от причин, доступных анализу и вполне подлежащих науке. Гораздо понятнее такой взгляд: как боль от удара предполагает быющее существо и большею частью умысел, так счастье и несчастье (и болезнь) происходят от действия живого существа» [11, с. 485]. Подтверждением может служить тот факт, что аналогичный «культурный сценарий» чувств реализуется и в памятниках других языковых коллективов, например в древнегерманских эпосах «Старшая Эдда» и «Беовульф» [см. 12].

Аналогичную сложность семантики в древнерусском языке обнаруживают и эмотивные прилагательные, которые наряду с предикативным значением могут выражать также другие адъективные значения, основанные на метонимическом переносе, в том числе:

а) экспликативное, связанное с обозначением внешнего проявления эмоций и реализуемое в сочетании с существительными *лице, взоръ, очи* и др. (при этом наиболее частотным оборотам в словарях приписывается узуальный характер): *Виде и лице дряхло имуща*. Пат. Син. XI в. 274 [9, т. 1, с. 738];

Не бо николи же бѣ напраснѣ, ни гнѣвливъ, ни ярѣ очима. Нест. Жит. Феод. 19 [9, т. 3, с. 1663] и др.;

б) квалификативное, то есть значение эмоциональной оценки явлений, выражаемое в сочетании прилагательных с различными именами (чаще всего абстрактными), например: *тако и неправое слово видеть и въ правѣдныхъ разумѣ. омрачениемъ гнѣвнымъ. не дастъ истины разумѣти*. МПр XIV, 23 [8, т. 2, с. 341]; *Скърѣбными путь*. Стихир. XII в. л. 92 [9, т. 3, с. 401]. В этом отношении особого внимания заслуживают эмотивы любви, в семантической структуре которых значение эмоционального отношения довольно часто сочеталось с квалификативным значением, например: *любимыи* (ср. о.-с. **l'ubitъ*(ъ), болг. *любим* I 'любимый'), *любивыи* '1. любимый; 2. любящий' (ср. о.-с. **l'ubivъ*(ъ)), *любызныи* '2. обычно в кр. ф. любящий кого-л., расположенный к кому-л.; дружелюбный; 3. любимый' (ср. о.-с. **l'ubezъ*(ъ)), болг. *любезен* '2. уст. милый, любезный, дорогой', чеш. *libezny* 'любезный, приятный', пол. *lubieżny* 'сладострастный, чувственный') и т.д.: *Любими бѣша трие си нрави*. Пат. Син. XI в. 65; *Бѣ бо* [Владимир Мономах] *любимъ оцю своему по велику и в животѣ и по смрти, не ослушася его ни в чемъ же*. Пов. вр. л. 6605 г. [9, т. 2, с. 82];

в) каузативное значение 'вызывающий эмоцию', наличие которого наглядно свидетельствует о процессе лексико-семантической конверсии; ср.: *возми и носи говѣино тѣло ис(с)во. достоино причащася его*. ГБ XIV, 726 [8, т. 2, с. 343].

Действием метонимических процессов можно объяснить также развитие у эмотивов значений, связанных с номинацией внешнего выражения эмоций, например: *желѣти* '1. оплакивать, совершать обряд оплакивания умершего; 2. печалиться, сокрушаться, скорбеть // чего испытывать сожаление по поводу утраты чего-л.' (ср. чеш. *želeti koho, čeho* 'жалеть кого-л., что-л., о ком-л., о чем-л., сожалеать, сокрушаться о ком-л., о чем-л.', *oželeti* 'оплакать; пожалеть'), *плакатися* '1. плакать; 2. грустить, скорбеть' (ср. и.-е. **plāk-* : **plāg-* : **plēk-* : **plēg-* 'ударять, бить', о.-с. **plakati*, болг. *плача* 'плакать', чеш. *plakati* 'тж.', пол. *plakać* 'тж.'), *рыдати(-ся)* '1. плакать, рыдать; 3. скорбеть' (ср. и.-е. **reud-* 'реветь, вопить, испускать хриплые звуки', о.-с. **rydati*, болг. *ридая* 'рыдать'), *стенати* '1. стонать, рыдать; 2. скорбеть' (ср. болг. *стѣна* 'стонать', чеш. *sténati* 'стонать, стенать'), *постенати* '1. застонать; 2. поскорбеть', *поблѣдѣти* '1. побледнеть; 2. опечалиться' (ср. о.-с. **blēdēti*); *смѣхъ* '1. смех, хохот; 2. веселье; 3. радость' (ср. и.-е. **smoi-*, о.-с. **směxъ*, болг. *смях* '1. смех', чеш. *smích* 'тж.', пол. *śmiech* 'смех, хохот'), *(въ)стенание* '1. стон, рыдание; 2. скорбь, горе' (ср. болг. *стенание*, чеш. книжн. *sten* 'стон'), *плачь*

'1. рыдание, плач, слезы; 2. скорбь' (ср. болг. *плач* 'плач', чеш. *pláč* 'тж.', пол. *placz* 'тж.'), *поклонъ* '1. поклон, приветствие с наклоном головы или верхней части туловища в знак уважения, почтения; 3. поклонение, преклонение, почитание' и т.д.: *Плакатися и рыдати подобаетъ своихъ прѣрѣшении*. Панд. Ант. XI в. л. 108 [9, т. 3, с. 210]; (1196): *Иде князь Ярославъ на Новый тѣргъ, и прияша и новоторожьци съ поклономъ, и жсялюху по немъ въ Новгородѣ добрии*. Новг. I лет., 173 [10, вып. 16, с. 158]. В приложении к анализируемой нами сфере метонимический принцип в самом общем виде может быть сформулирован следующим образом: «Физиологический эффект эмоции замещает саму эмоцию» [13, с. 494].

Во всех указанных случаях метонимические переносы не выходят за рамки номинации эмоциональных явлений. Однако гораздо больший интерес представляют те смысловые сдвиги, которые связаны с взаимодействием в рамках семантической структуры пограничных значений. К примеру, в обозначении эмоций активно участвуют оценочные лексемы, производное значение которых возникает в соответствии с несколькими продуктивными моделями метонимического переноса. Чаще всего вторичную эмотивную семантику развивают лексемы, основное значение которых связано со сферой этической оценки, причем среди них представлены слова разных частей речи, например: *жесточати* '1. становиться жестоким; 2. ожесточать, приводить в ярость', *нечестовати* '1. поступать нечестиво, грешить; 2. оскорблять, бесчестить, унижать'; *зъло* I, *зълбие*, *зълба* '1. все дурное, плохое, злое; 2. злость, злоба, вражда' (ср. болг. *злба* 'злоба', чеш. *zloba* 'тж.'), *доброта* '1. добродетель // отзывчивость, сочувствие, дружеское расположение к кому-л.' (ср. о.-с. **dobrota*, болг. *доброта* 'доброта', чеш. *dobrota* '1. тж.', пол. уст. *dobrota* 'доброта; благоволение'), *зълчѣстие* 'бесчестие, беззаконие, грех / о ненависти, вражде', *пакость* '1. вред, зло; 2. обида', *лицемѣрие* '1. лицемерие, притворство; 2. оскорбление' (ср. о.-с. **liceměryje*), *скаредие* '1. скверность, мерзость; 3. печаль, тоска', *негодование* '1. непристойность; 2. неудовольствие', *лѣность* '1. леность, небрежность, беспечность, нерадение; 2. робость, медлительность' (ср. о.-с. **lěnostъ*), *гладость* '1. изнеженность; 2. приятность' (ср. о.-с. **gladostъ*, пол. *gladki* '1. имеющий поверхность без неровностей; ровный; 7. соответствующий правилам этикета; вежливый, любезный'), *любочѣстие* '1. честолюбие; 2. оказание почестей; почтение', *цѣдрота* '1. милость, милосердие; 2. благорасположение', *чьсть* '1. честь, почет; 2. уважение; 5. благоговение' (ср. о.-с. **čьstъ*, болг. уст. *чест* 'уважение', чеш. *čest* '2. честь, почет', пол. *cześć* 'почет, уважение; почитание'); *зълыи* '1. злой; 3. недоброжелательный, злобный, враждебный; 4. причиняющий боль, вред; мучительный,

болезненный' (ср. болг. *зъл* '1. злой, злобный, свирепый', пол. *zły* '1. отрицательный с моральной точки зрения, нарушающий этические нормы; 2. разгневанный, рассерженный на кого-л.; также: выражающий это состояние; неприязненный, недоброжелательный, враждебный'), *добрыи* '1. добрый // миролюбивый; не склонный к вражде, ссорам' (ср. о.-с. **dobrŷ(jb)*), болг. *добър* '1. добрый (человек)', чеш. *dobry* '1. хороший; 2. добрый', пол. *dobry* '1. мягкий, чувствительный, сердечный'), *хульнии* '1. достойный порицания, хулы; 4. презирающий; 5. презренный; 6. гнусный, противный', *гърдыи* '1. гордый; 5. страшный' (о.-с. **gŷrdŷ(jb)*), *лѣнотивыи* '1. ленивый, нерадивый; 2. связанный с ленью, равнодушием' (ср. о.-с. **lĕnostivŷ(jb)*), *любочьствыи* '1. честолюбивый; 3. почтительный, благоговейный', *кроткыи* 'кроткий, покорный, тихий, скромный, незлобивый // печальный, горький' (ср. о.-с. **krotkŷ(jb)*), болг. *кротък* 'кроткий; спокойный; добродушный', *благоугодьныи* '1. устремленный к благу, добродетельный; 2. угодный, приятный, желанный кому-л.', *прѣславьныи* '1. достойный хвалы, достохвальный; 3. удивительный', *благохвальныи* '1. воздающий хвалу, прославляющий, хвалебный; 3. радостный, бодрый духом' (ср. о.-с. **xvalŷ(jb)*); *чьстно* '1. добросовестно, честно; 2. с уважением', *нечьстно* '1. нечестиво; 3. с бесчестьем, оскорбительно, позорно' и др.: *глиции... миръ съ ближними своими. зло же въ ср(д)цихъ ихъ*. ПНЧ XIV, 178a [8, т. 3, с. 409].

Менее продуктивными можно считать метонимические переносы, которые связаны с возникновением эмотивной семантики у следующих типов предикатов:

а) утилитарной оценки: *льгыни* '1. выгода, польза; 2. облегчение' (ср. о.-с. **lŷguni*), *льгота* '1. польза; 3. спокойствие' (ср. о.-с. **lŷgota*); *драгыи* '1. дорогостоящий, ценный; 2. высокоценный, уважаемый, почитаемый; 3. милый, дорогой' (ср. о.-с. **dorgŷ(jb)*), болг. *драг* 'дорогой; милый', чеш. *drahý* '1. дорогой; 3. перен. дорогой, милый, любимый') и т.д.: *Душа бо сдѣ казнима, всяко в будующи судъ милость обряцетъ и лгыню отъ муки*. Лавр. л. 6745 г. [9, т. 2, с. 66];

б) эстетической оценки: *краситися* '1. делаться лучше, красивее; украшаться; 2. радоваться, услаждаться' (ср. о.-с. **krasiti*), *красоватися* '1. привлекать внимание своей красотой; быть заметным, выделяться своей красотой; 2. радоваться, наслаждаться' (ср. о.-с. **krasovati (se)*); *краса* (ср. о.-с. **krasa*), *красота* '1. красота; 3. радость' (ср. о.-с. **krasota*), '1. украшение; 3. успокоение'; *красьныи* '1. красивый, прекрасный; 2. хороший, прекрасный; приятный, милый // радостный, приятный, сладостный' (ср. и.-е. **ker(ə)*- 'жечь, обжигать, топить', о.-с. **krasŷ(jb)*), *прекрасьныи* '1. прекрасный, очень красивый; 3. дивный, удивительный, чудесный', *възрачьныи* '1. приятный на вид; 2.

доставляющий удовольствие' и др.: *Кѣто не увидѣвъ яко же достоино видѣти красоту гню*. Гр. Наз., 165. XI в. [10, вып. 8, с. 15];

в) модальной оценки: *нужа* '1. нужда, необходимость; 2. бедствие, печаль'; *нужьдыи* '1. необходимый; 2. бедствующий, несчастный' (ср. *нужьная* сущ. 'мучения') и пр.: *О велика скърбь бѣше въ людѣхъ и нужа*. Новг. I л. 6669 г. [9, т. 2, с. 474].

Рассмотренный материал довольно убедительно демонстрирует то, что метонимические процессы, соответствуя одной из важнейших логических операций – ассоциации по смежности, являются очень продуктивным механизмом развития значений не только конкретных, но и абстрактных слов. Если иметь в виду такой семантически емкий класс лексем, как наименования эмоций, то можно указать некоторые существенные направления метонимизации:

1) эмотивы зачастую развивают не одно, а несколько метонимических значений, статус которых является неодинаковым; при этом отмечаются случаи синонимизации семантических структур ряда слов, что можно объяснить реализацией одной и той же когнитивной модели, в соответствии с которой осмысливаются эмоциональные явления;

2) некоторые из проанализированных метонимических переносов, характерных для древнерусских лексем, представлены и в современном русском языке, что говорит о сохранении изначального семантического синкретизма (диффузности) многих абстрактных лексем, в том числе и эмотивов;

3) метонимические сдвиги, основанные на смежности ассоциируемых явлений, иногда распространяются на пограничные номинативные сферы, и это обусловлено взаимодействием соответствующих когнитивных сфер;

4) приведенные параллельные примеры метонимизации в сфере эмотивной лексики русского и других славянских языков свидетельствуют об актуальности ряда метонимических переносов, которые (при подтверждении достаточным по объему эмпирическим материалом), вероятно, могут претендовать на статус универсальных.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

болг. – болгарское
и.-е. – индоевропейское
о.-с. – общеславянское
пол. – польское
уст. – устаревшее
чеш. – чешское

ЛИТЕРАТУРА

1. Калимуллина Л. А. Теоретические и прикладные проблемы диахронической семантики // Вестник Башкирского университета. 2009. Том 14. №3 (I). С. 1167–1170.
2. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.
3. Черемисина Н. В. О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка // Семантические единицы русского языка в диа-

- хронии и синхронии. Калининград: Калининградский ун-т, 2000. С. 175–192.
4. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2003. 244 с.
 5. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
 6. Опарина Е. О. Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 186–204.
 7. Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте: Учебное пособие. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2002. 152 с.
 8. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 1–10. М.: Русский язык, 1988–2013.
 9. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. изд. М.: Книга, 1989.
 10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М.: Наука, 1975–2011.
 11. Потехина А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 622 с.
 12. Гвоздецкая Н. Ю. К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса (на материале «Беовульфа» и «Старшей Эдды») // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 138–142.
 13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Поступила в редакцию 14.09.2014 г.

THE ROLE OF METONYMIC PROCESSES IN SEMANTIC DICTIONARY DYNAMICS

© L. A. Kalimullina*, L. M. Vasil'ev

*Baskir State University
32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 273 69 87.

**Email: lorentsia09@yandex.ru*

The metonymical transfers that are not only the most important type of semantic derivation, but also a special cognitive mechanism, are studied. Metonymic processes cover very broad strata of the vocabulary, serving as a productive way of developing values of not only concrete, but also abstract words. As research material, the names of emotion (emotive) are involved here, clearly demonstrating the mechanisms of metonymy in the abstract vocabulary. Based upon the facts of Old Russian concludes that a number of metonymic transfers are productive as in the notation of emotional phenomena, and in the border areas of nominative. It is established that emotive often develop not one, but several metonymic meanings, the status of which is not the same; and at that the synonymization of semantic structures of a number of words that can be attributed to the realization of the same cognitive model, according to which emotional phenomena are interpreted. For example, in the semantic structure of registered emotive along with the basic meaning of the emotional state/relationship such derivative meanings as causative, qualificative and explicative are represented. In indication of emotions evaluative lexemes are actively involved, their secondary meaning occurs in accordance with several productive metonymic models. Most often, the lexemes with basic meaning related to the sphere of ethical evaluation develop the secondary emotive semantics. Less productive can be considered metonymic transfers that are connected with the occurrence of emotional semantics with predicates utilitarian, aesthetic, modal assessment. Some of the analyzed metonymical transfers are presented in the contemporary Russian language, which means the preserving of the original semantic syncretism (diffusivity) abstract lexemes. Given in the article the parallel examples of metonimization in the sphere of emotive lexicon of Russian and other Slavic languages demonstrate the relevance of a number of metonymic transfers, which are likely to apply for the status of the universal. The consideration of metonymic processes in terms of diachrony gives the relevance to the conducted research.

Keywords: *Russian language, semantic derivation, metonymy, the names of emotion, cognitive processes, diachrony.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Kalimullina L. A. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2009. Tom 14. No. 3 (I). Pp. 1167–1170.
2. Paul' G. Printsipy istorii yazyka [Principles of Language History]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, 1960.
3. Cheremisina N. V. Semanticheskie edynitsy russkogo yazyka v diakhronii i sinkhronii: Sb. nauch. tr. Kaliningrad: Kaliningradskii un-t, 2000. Pp. 175–192.
4. Shmelev D. N. Ocherki po semasiologii russkogo yazyka [Essays on Russian Language Semasiology]. Moscow: Editorial URSS, 2003.
5. Ul'mann S. Novoe v lingvistike. Vyp. V. Yazykovye universalii. Moscow: Progress, 1970. Pp. 250–299.
6. Oparina E. O. Lingvisticheskie issledovaniya v kontse XX v.: Sb. obzorov. Moscow: INION RAN, 2000. Pp. 186–204.
7. Berestnev G. I. Semantika russkogo yazyka v kognitivnom aspekte: Uchebnoe posobie [Semantics of the Russian Language in the Cognitive Aspect: Textbook]. Kaliningrad: Izd-vo Kaliningradskogo un-ta, 2002.
8. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) [Dictionary of Old Russian Language (XI–XIV Centuries)]. T. 1–10. Moscow: Russkii yazyk, 1988–2013.
9. Sreznevskii I. I. Slovar' drevnerusskogo yazyka: V 3 t. [Dictionary of Old Russian Language: in 3 Volumes]. Moscow: Kniga, 1989.
10. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian Language (XI–XVII Centuries)] No. 1–29. Moscow: Nauka, 1975–2011.
11. Potebnya A. A. Slovo i mif [Word and Myth]. Moscow: Pravda, 1989.
12. Gvozdetskaya N. Yu. Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 138–142.
13. Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, Fire and Dangerous Things: What Language Categories Tell Us about the Mind]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.

Received 14.09.2014.